

УДК: 398.22(=512.212)
DOI 10.25587/a6388-6171-8775-o

А. Н. Варламов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

РАННИЕ СТАДИИ ЭТНОГЕНЕЗА И МИГРАЦИИ ТУНГУСОВ В ЭПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ ЭВЕНКОВ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме истории и этногенеза тунгусов. Основываясь на анализе эпических традиций эвенков и результатах исследований смежных научных дисциплин, автором рассмотрены ранние стадии культурогенеза древней тунгусской общности, а также важнейшие этногенетические связи, возникавшие в процессе глобальных миграций древних сибирских сообществ.

Согласно гипотезе Г. М. Василевич, наиболее древняя основа тунгусского этнографического комплекса формировалась, начиная с серовской эпохи байкальского неолита. В качестве наиболее важных культурных составляющих исследователь выделяла основу языка, а также элементы зародившейся кочевой культуры пеших охотников на лося, сохранившиеся в этнографическом комплексе эвенков и др. тунгусо-маньчжурских этносов. Подтверждение данной гипотезе обнаруживаются в эпических традициях эвенков, в которых герой-охотник изобретает лук, лыжи и начинает охотиться на лосей. Эти устойчивые традиции находят отражение в других жанрах фольклора и мировоззрении эвенков. Сюжетообразующим мотивом эвенкийских сказаний является путешествие героя, который отправляется от места своего рождения в сторону восхода солнца. Устойчивый мотив и направление путешествий героев нимнганов согласуются с наиболее популярными гипотезами об этногенезе тунгусо-маньчжурских народов.

В результате исследования автор выдвигает предположение, что формирование основополагающих культурных традиций древних тунгусов происходило в процессе расселения древних популяций от Прибайкалья-Забайкалья к низовьям Амура. На основе анализа фольклорных и мировоззренческих традиций тунгусо-маньчжурских народов и аборигенов Амура, автор приходит к выводу о формировании этногенетической основы древних тунгусов во взаимодействии с носителями нижнеамурских культур, прежде всего, предками нивхов.

Работа представляет интерес для специалистов широкого круга научных дисциплин, прежде всего, исследователей истории, этнографии тунгусо-маньчжурских народов, а также фольклористов, интересующихся темой историзма устного народного творчества.

Ключевые слова: история тунгусов, история эвенков, этногенез тунгусо-маньчжурских народов, миграции тунгусов, эпический историзм, историзм фольклора, эвенкийский эпос, нимнган, неолит Байкала, серовская культура, глазовская культура.

А. N. Varlamov

Early stages of ethnogenesis and migration of the Tungus in the epic traditions of the Evenki

Abstract. The article is devoted to the topical problem of the history and ethnogenesis of the Tungus. Based on the analysis of the epic traditions of the Evenki and the results of research in related scientific disciplines, the author considers the early stages of cultural genesis of the ancient Tungus community, as well as the most important ethnogenetic connections that arose in the process of global migrations of ancient Siberian communities.

According to the hypothesis of G. M. Vasilevich, the most ancient basis of the Tungus ethnographic complex was formed starting from the Serov era of the Baikal Neolithic. As the most important cultural components, the researcher notes the basis of the language, as well as elements of the emerging nomadic culture of foot

ВАРЛАМОВ Александр Николаевич – д. филол. н., с. н. с. сектора Северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия.

E-mail: ataki2006@yandex.ru

VARLAMOV Alexandr Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of North Philology Sector, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakutsk, Russia.

E-mail: ataki2006@yandex.ru

hunters for moose, preserved in the ethnographic complex of the Evenki and other Tungus-Manchu ethnic groups. Confirmation of this hypothesis is found in the epic traditions of the Evenki, in which a hunter-hero invents a bow, skis and begins to hunt moose. These stable traditions are reflected in other genres of folklore and in the Evenki worldview. The plot-forming motif of Evenki legends is a journey of the hero, who leaves the place of his birth towards the rising of the sun. The stable motif and direction of journey of the Nimngakan heroes are consistent with the most popular hypotheses about the ethnogenesis of the Tungus-Manchu peoples.

As a result of the research, the author assumes that the formation of the fundamental cultural traditions of the ancient Tungus took place in the process of dispersal of ancient populations from the Baikal-Transbaikalia to the lower reaches of the Amur. Based on the analysis of the folklore and ideological traditions of the Tungus-Manchu peoples and aborigines of the Amur, the author comes to the conclusion about the formation of the ethnogenetic basis of the ancient Tungus in interaction with the carriers of the Lower Amur cultures, first of all, the ancestors of the Nivkhs.

The work is of interest to specialists in a wide range of scientific disciplines, first of all, researchers of the history and ethnography of the Tungus-Manchu peoples, as well as folklorists interested in the topic of historicism of folklore.

Keywords: history of the Tungus, history of the Evenki, ethnogenesis of the Tungus-Manchu peoples, migration of the Tungus, epic historicism, historicism of folklore, the Evenki epic, the Nimngakan, Baikal neolithic, Serov culture, Glazkov culture.

Введение

Ранняя история тунгусо-маньчжурских народов остается дискуссионной научной проблемой на протяжении длительного времени. На сегодняшний день существует несколько гипотез о происхождении тунгусов, среди которых наиболее популярными являются теория о южном происхождении [1, 2], а также теории о байкальском [3, 4], забайкальском [5] и прибайкальско-приамурском [6] этногенезе тунгусов. Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что исторической эпохой формирования первичной основы этнографического комплекса тунгусо-маньчжурских этносов являлся поздний неолит, на что так же указывают антропологические [7] и генетические исследования [8, 9]. По нашему мнению, наиболее перспективным методом в решении обозначенной исторической проблемы является междисциплинарный подход. Различными отраслями современной науки накоплен достаточно обширный объем знаний, касающийся, в той или иной мере, проблематики истории и этногенеза тунгусов. Весьма важным в данном случае видится обращение к фольклорному фонду тунгусо-маньчжурских народов как к историческому источнику.

Теоретические основы и научные перспективы фольклорного историзма подробно изложены в трудах Б. Н. Путилова [10, 11], В. Я. Проппа [12, 13], Е. М. Мелетинского [14, 15] и др. известных специалистов фольклористики. Идея привлечения фольклорного материала в исторических исследованиях не нова – начиная с середины XX в. некоторые исследователи успешно привлекали материалы фольклора тунгусо-маньчжурских народов в археологических и исторических работах. Так, А. П. Окладников и А. И. Мазин системно обращались к текстам эвенкийского фольклора, в частности, опираясь на мифологические сюжеты эвенков в попытке интерпретации наскальной живописи сибирского неолита [16, 17, 18]. Г. М. Василевич в своих междисциплинарных трудах использовала обширный фольклорный материал, подкрепляя выводы, касающиеся этнографических традиций и различных этапов истории тунгусов. К примеру, изданный исследователем, сборник «Исторический фольклор эвенков» сопровождается подробными примечаниями исторического характера [19]. Подобный подход остается актуальным в настоящее время, поскольку основные фольклорные жанры тунгусо-маньчжурских этносов характеризуются высокой степенью историзма, в частности, в эпических традициях эвенков проявляется их отчетливая взаимосвязь с наиболее ранними стадиями истории [20, с. 46-68]. Целью настоящего исследования является определение важнейших культурных явлений и этногенетических процессов, сопровождавших ранние стадии истории тунгусо-маньчжурских народов. Методологической основой исследования являются принципы фольклорного историзма и междисциплинарный подход к обозначенной исторической проблеме.

Эпические традиции тунгусо-маньчжурских народов обладают специфическим свойством историзма, благодаря которому по законам жанра в фольклорных текстах сохраняются

объективные знания человеческого общества об окружающем мире, эволюции земли, человека и этнических сообществ. Основой развития сюжета большинства эвенкийских нимнганов является мотив путешествия главного героя, отправляющегося от места своего рождения на восток. Эпические традиции эвенков являются отражением важнейших этапов исторического развития этноса, сопровождавшихся обширными и длительными межэтническими контактами, преимущественно, на территории от Байкала до низовьев Амура. Расселяясь вслед за распространяющейся популяцией лося, неолитические предки эвенков и родственных тунгусских народов осваивали огромные территории Сибири и приобретали устойчивые культурные традиции, ставшие основой будущего этнографического комплекса.

Носители древней кочевой культуры охотников на лося

По мнению исследователей древней истории Сибири, переходный этап от палеолита к неолиту стал отправной точкой для формирования будущих этносов Сибири. Именно в неолитических культурах историки и археологи обнаруживают первые признаки выделения каких-то больших племенных групп, к которым тянутся самые глубокие корни современных народов [21]. Исследования различных научных дисциплин подтверждают данный тезис, дополняя уточненными данными. Так, результаты исследований митохондриальной ДНК позволили выстроить относительно стройную гипотезу об истории заселения Северной Азии и хронологии межэтнорасовых взаимодействий, в которой наиболее древними обозначаются эскимосо-алеутский и чукотско-эскимосский субкластеры (10 тыс. и 8 тыс. л. н., соответственно), а более молодыми компонентами, в числе прочих обладает генофонд эвенков (6-7 тыс. л. н.), при этом комбинации генов эвенов сохраняют более древние признаки [22, с. 8].

По мнению Г. М. Василевич, возникновение некоторых основополагающих эвенкийских этнографических традиций относится к серовскому периоду байкальского неолита: широкие охотничьи лыжи, тунгусский тип колыбели, наспинная поняга для переноски груза, переносные горшки-дымокуры, разборное коническое жилище (чум) и др. Изобретение названных этнографических элементов напрямую связано с развитием кочевой охотничьей культуры древних тунгусов. Предположение Г. М. Василевич основывалось на результатах лексического анализа, а также культурных параллелях с традициями археологических культур Прибайкалья: «Эта лексика говорит о том, что становившиеся тунгусоязычными группы охотников освоили горную гольцовую местность... охотились пешком с понягой и на лыжах. К терминологии наземного жилища добавился термин для покровов, сделанных из шкур... К этому же времени относится появление тунгусской колыбели эвенкийского типа, характерного для пешей охотничьей культуры и представление о сэвэнах – духах-помощниках шамана» [3, с. 26-27].

Появление лыж и тунгусской колыбели связывается исследователем с освоением навыков работы с теслом – возможностью изготовления тонких досок и умения их гнуть [3, с. 27, 59]. Символика лыж, как важнейшего элемента охотничьей культуры той давней эпохи, находит отражение в фольклорных традициях эвенков. В мифологии символ лыж тесно связан с образом лося, а также этиологическими сюжетами о смене дня и ночи, о появлении Млечного пути и созвездия Большой Медведицы. Чаще эти сюжеты повествуют о подвигах охотника Манги: «Он мчится на своих лыжах по небу, найдя звезду сангар, которая является входом на небо. В пути встречает двух охотников, обгоняет их и начинает достигать лосиху с лосенком. Целится в лосенка, тот, шарахнувшись, падает в отверстие-звезду сангар на землю, и от него пойдут на земле лоси. Современные люди каждую ясную ночь могут видеть на небе охотничьи подвиги Манги-Дёромго: след от его лыж тянется по небу – Млечный путь (Манги кинглэн – «Лыжня Манги»). Там же есть лосенок, лось, два охотника, сам Манги и его стрела» [23, с. 274].

Эпический герой эвенков так же является обладателем лыж, на которых он охотится на лосей. Так, в сказании «Торганай» повествуется о двух братьях, живущих охотой на лося. Однажды небесные враждебные богатыри Каданай (от *кадар* – скала, хребет) и Дёлоной (от *дёло* – камень) крадут жену главного героя и уносят ее на небо. Торганай собирается в погоню на своих лыжах, но получает волшебного коня, который помогает герою в его странствиях [24, с. 80-85]. В эпическом тексте отчетливо заметна мифологическая природа, которая традиционно присутствует в зачине эпоса – в символических образах лосей и лыж, а также в образах врага и символике потустороннего мира. В мировоззрении и фольклоре эвенков символ лыж

тесно переплетен с процессом охоты на лося и, вероятно, изобретение лыж предками тунгусов действительно произошло во взаимосвязи с развитием традиций пешей охоты в неолите.

В эпоху байкальского неолита человек изобретает лук простого типа, стрелы и совершенствует технику охоты на лося при помощи самострелов, затем изобретает лук сложного типа и другое вооружение, характерное для подвижной охотничьей культуры. Именно кочевая модель, основанная на древних охотничьих традициях пеших охотников на лося, легла в то далекое время в основу будущей эвенкийской культуры. Согласно результатам исследований фрагментов костей на стоянках древних охотников таежной зоны Сибири, в частности, Прибайкалья, уже в голоцене (8-10 тыс. л. н.) роль лося как объекта охоты резко возросла, достигая 70 % от общего объема добываемых копытных [25, с. 35].

О начале становления охотничьей культуры того далекого исторического времени в среде давних предков тунгусов повествует эвенкийский эпос – эвенкийский эпический герой-охотник изобретает лук, самострел для того, чтобы добывать лосей. В эвенкийских сказаниях описывается важнейший исторический этап развития сибирских популяций, когда изменившиеся природные условия повлекли за собой процесс кардинальной перемены уклада жизни древних сообществ. Для этого человеку было необходимо изменить существовавший хозяйственный тип, прежде всего, принципы охоты – овладеть новыми методами, что было невозможно без освоения орудий труда нового поколения. В эпических текстах эвенков об одиноком герое-охотнике такими орудиями являются петли, лук, самострел. Изобретение героем лука происходит в процессе постижения охотничьего искусства и упоминается в прямой зависимости от желания добыть лося [20, с. 73-77].

Охота на лося требовала мобильности хозяйства и использования новых эффективных орудий охоты. Именно интенсивное развитие охотничьей культуры в лесной зоне Прибайкалья является ответом на причину возникновения такого сложного оружия как «роговой» лук сложного типа, изобретенный носителями серовской неолитической культуры Байкальского неолита [21, с. 229]. В описании вооружения героя эвенкийского нимгакана это революционное изобретение является важнейшим оружием. Лук сложного типа с костяными накладками из рогов лося или оленя, подобный сложному луку серовцев, называется у эвенков *алауа*:

Эр утэн-дю умун муннуктун
Дюр дяпкун оватылкан
Иемэ аланга биһин ивит [26, с. 130].

– В углу утэна
Дваждывосемисаженный
Роговой лук [26, с. 131].

Человек, умело использующий лук, уже не зависел полностью от необходимости коллективной охоты. Теперь человек мог перемещаться по таежным просторам в поисках новых мест охоты, не находясь во всецелой зависимости от миграций стадных животных, сосредоточившись на других объектах охоты, распространившихся в таежной зоне. Важнейшим объектом охоты для древних тунгусов и их потомков на многие тысячелетия стал лось.

Миграции древних тунгусов в неолите

В эвенкийском эпосе распространенным мотивом путешествия одинокого героя является его стремление найти новые земли, богатые зверем: «На самой середине земли в то время, когда земля с ковер-кумалан расстилалась, жил один богатырь. Имя его было Гарпани... Гарпани-богатырь ежедневно вставал рано и уходил на охоту. Перебив всех зверей вокруг дома, он начал уходить все подальше. Так живя, он стал задумываться о дальних местах» [19, с. 250-251].

Объективная ситуация того далекого исторического времени характеризовалась значительно изменившимся типом хозяйствования – переход от оседлого образа жизни – к кочевому. Развитие кочевой культуры пеших охотников сопровождалось их расселением на обширной территории. А. П. Окладников, рассматривая вероятность возникновения протопопуляций на основе неолитического населения Сибири, выделил в числе прочих ареал байкальской неолитической культуры, границы которой обозначались следующим образом: на западе до бассейна Енисея с выступающей областью, достигающей Оби; севере и северо-востоке – до тундровой границы Якутии и верховьев Индигирки и Колымы; на востоке – до протяженной линии вдоль Охотского побережья; на юге и юго-востоке, охватывая часть Монголии и северного Китая [27]. Следы

глобальной миграции неолитических охотников, в целом, соответствуют этому широчайшему ареалу и отчетливо прослеживаются в археологических памятниках в верхнем и среднем течении Лены, на Амуре, а также бассейнах рек Алдана, Май и Олекмы. Фигура лося является центральной в наскальной живописи неолитических охотников лесной полосы Северной Азии: «Где бы ни встречались неолитические писаницы лесной полосы Северной Азии – от Енисея до Амурса, на них повсюду встречается одна и та же привычная фигура сохатого. На смену множественности звериных образов эпохи палеолита в наскальной живописи пришло удивительное однообразие. Такое абсолютно преобладание лося в искусстве и, очевидно также связанных с этим образом религиозных представлений древних племен Сибири имело глубокое основание в их реальной жизни» [28, с. 87]. Значительную часть неолитических пеших охотников-кочевников, с большой долей вероятности, следует считать давними предками современных тунгусо-маньчжурских народов. Недаром многие исследователи наскальной живописи неолитических памятников в поисках культурных аналогий обращались к фольклору тунгусо-маньчжурских народов, прежде всего, эвенков. Так, А. П. Окладников и А. И. Мазин, исследуя писаницы бассейна р. Олекма, отмечали, что их тематика и идейное наполнение находят наиболее близкие аналогии в мифологии и обрядовых традициях эвенков [17, с. 105].

Вне сомнений, миграционные пути древних тунгусов прочно связывали территории Прибайкалья-Забайкалья с территориями Дальнего Востока. Восток – является главным направлением путешествия героя эвенкийского нимнгакана. Главное содержание эвенкийских сказаний, записанных преимущественно от восточных эвенков, сводится к тому, что одинокий герой в поисках мест, богатых зверем или в связи с желанием «найти свою половину», движется от места своего рождения в сторону восхода солнца. За время своего путешествия он сражается с богатырями враждебного нижнего мира, проникающими с западной и юго-западной сторон. Победив врагов, герой встречает свою невесту, приобретая, новые родственные связи. В соответствии с сюжетами сказаний эвенков можно в общих чертах предположить процесс этногенеза и миграций древних тунгусов. Зародившись в горно-таежной местности, под описание которой, в целом, подходят горные районы Прибайкалья и Забайкалья, предки эвенков в своей массе двигались в восточном направлении. Будущая избранница героя, символизирует те или иные этнические формации, с которыми тунгусов исторически связывали взаимобрачные отношения. Направление путешествий героев эвенкийских эпических произведений в целом соответствует выводам ученых о перемещении предков эвенков из Прибайкалья и Забайкалья в Приамурье, Приморье и Северный Китай, где сформировались многие народы, относимые ныне к тунгусо-маньчжурской группе.

К числу крупнейших этногенетических контактов прототунгусов в древности исследователи относят взаимное влияние предков тунгусов и аборигенов Амурса. А. П. Окладников и А. П. Деревянко датировали начало проникновения прототунгусов из Прибайкалья и Забайкалья эпохой раннего железного века (I тыс. до н. э.). По мнению исследователей, объяснением направлений миграций кочевых охотников в юго-восточные области послужили потребности присваивающего хозяйства [29, с. 286]. В качестве доказательств присутствия северных кочевников в Приморье и Приамурье в эпоху неолита А. П. Окладников и А. П. Деревянко приводят элементы кочевой культуры, обнаруженные при раскопках археологических памятников Дальнего Востока, датируемых I тыс. до н. э.: защитный щиток большого пальца от удара тетивы, характерный для охотничьей культуры; лодку-берестянку – типичный элемент материальной культуры эвенков и родственных народов Приамурья; колыбель-эмкэ тунгусского типа, существующая в этнографическом комплексе всех народов тунгусо-маньчжурской группы [29, с. 292-294].

По мнению исследователей древней истории Сибири, кочевые группы северных таежных охотников проникали в южные ареалы, начиная с раннего железного века. Это длительный процесс сопровождался взаимным этнокультурным, этногенетическим обменом на новых территориях: северные мигранты-охотники создавали смешанные популяции, принимали новые для себя хозяйственные модели, переходили к полуседлому образу жизни. Принимая значительную часть локальной культуры, кочевые племена сохраняли и передавали аборигенам часть элементов собственной материальной культуры, свой язык и традиции мировоззрения [29, с. 298]. Данная точка зрения на характер миграций прототунгусов из Прибайкалья и

Забайкалья в целом преобладает в научной среде, отличаясь датировками начала этого миграционного процесса: «Северные тунгусские элементы в культуре нанайцев и других народов Амура прослеживаются особенно отчетливо. В Приамурье об этом свидетельствуют археологические находки в Сорголе, устьях Усури и Амура (конец II - начало I тысячелетия до н. э.). В Приморье с ними связывают ольгинскую археологическую культуру. По мнению А. П. Окладникова, первоначально сибирские таежные группы проникли в бассейн Нижнего Амура в конце неолита, а затем появлялись здесь многократно. Мощная миграционная волна с Севера, северо-запада и северо-востока Сибири, как мы увидим ниже, имела место в Приамурье в относительно недавнее время» [30, с. 21-22]. Направлением, откуда происходило заселение тунгусами Приамурья указывается Забайкалье.

Научная дискуссия о начале глобальной миграции прототунгусов в неолите вылилась в гипотезу о южном происхождении народов тунгусо-маньчжурской группы. Так, А. П. Деревянко, изменив первоначальную точку зрения и опираясь на выводы китайских ученых, предположил, что ареалом формирования прототунгусов можно считать Маньчжурию. По мнению А. П. Деревянко, «формирование северных тунгусов произошло в конце III - начале II тыс. до н. э. за счет носителей древнего тунгусского комплекса, вытесненных из южных районов под влиянием аборигенов нижнего Амура в его среднее течение, что придало дальнейший импульс для продвижения прототунгусов в таежные области Сибири, где они сформировались окончательно» [2, с. 274].

В этой гипотезе есть одно принципиальное несоответствие, связанное с предполагаемыми А. П. Деревянко причинами выхода прототунгусов со среднего течения Амура в таежные области Сибири. Допуская доминирование аборигенных племен Амура над прототунгусами, вытеснение носителей байкальского антропологического типа в таежную зону Сибири в III-II тыс. до н. э., с большой долей вероятности, нужно ожидать исключения или уменьшение взаимных этногенетических и этнокультурных контактов в нижнем Приамурье в дальнейшем. В данном случае происходило обратное – этногенетические и этнокультурные контакты тунгусов и аборигенных популяций Дальнего Востока в течение последующих исторических периодов только расширялись и совершенствовались, что позднее привело к образованию этноплеменных союзов, межэтнических сообществ, общей государственности и, в конечном итоге, к возникновению современных народов тунгусо-маньчжурской группы. Кроме этого, гипотеза о южном происхождении приходит в несоответствие с теорией общности сибирских монголоидов, имеющей на сегодня достаточно точное подтверждение результатами антропологических и генетических исследований, связывающих суммарно неолитические популяции и современные этносы Сибири [9, с. 33-35].

На наш взгляд, глобальные миграции носителей кочевой охотничьей культуры Прибайкалья-Забайкалья действительно происходили в период, указанный А. П. Деревянко (не позднее 4-5 тыс. л. н.), но в противоположном направлении, а именно – от Прибайкалья, Забайкалья в верхнее и нижнее течение Амура и прилегающие области. Миграции прототунгусов и их генетических преемников не были одновременными и односторонними, а скорее наблюдался довольно интенсивный культурный обмен, когда посредством взаимных межэтнических контактов элементы культур проникали по сообщаемой речной системе от Прибайкалья-Забайкалья до низовьев Амура и обратно. К подобному выводу пришел в свое время и А. П. Окладников, основываясь на очевидном сходстве культурных признаков неолитических памятников Прибайкалья и Дальнего Востока [6, с. 265-266]. Исследователями отмечались отчетливые черты северного (байкальского) происхождения в неолитических культурах Нижнего Амура. Это касается техники расщепления кремня, а также способов изготовления керамики – круглодонных сосудов, украшенных строгим геометрическим стилем, подобным стилю неолитических байкальцев, в корне отличающегося от криволинейного орнамента ниже-амурского неолита. По мнению археологов, «вторжение» северян-прибайкальцев в среднее и нижнее течение Амура в неолите положило основу для длительных взаимоотношений носителей разных культур [31, с. 139-140].

Ранние этногенетические контакты тунгусов на востоке

О контактах тунгусов на востоке в период позднего неолита свидетельствуют древнекитайские летописи: «Южные тунгусы, по уверению древней китайской истории, более нежели за

2200 лет до Р. Х. уже ходили водяным путем в столицу Китая для представления местных произведений главе Империи; это указывает нам, что они уже имели в то время и торговые, и политические сношения с Китаем, что даже и географически не подлежит сомнению, ибо страна Ляо-дун искони была обитаема китайцами, которые жили там в смежности с тунгусами с трех сторон – с востока, юга и севера» [32, с. 7-8]. Из данного свидетельства китайских исторических летописей можно предположить, что контакты южных тунгусов с Китаем, возникли после продолжительного периода культурного обмена между проникавшими на Амур прототунгусами и местными племенами в неолите. Логично предположить, что до момента разделения тунгусов на северную и южную ветви должен был существовать и достаточно длительный исторический этап начальной общности.

По нашему мнению, наиболее ранние взаимные контакты прототунгусов на Дальнем Востоке осуществлялись с оседлыми носителями рыболовной культуры, преимущественно, с предками нивхов. На участие нивхов в образовании тунгусо-маньчжурских народов Приамурья указывал Г. Ф. Дебец [33, с. 100-101]. М. Г. Левин, опираясь на исследования Л. Я. Штернберга и С. В. Иванова, отмечал присутствие типично тунгусских культурных признаков у народов Приамурья: нагрудник, конический чум, лодка-берестянка, колыбель, а также некоторые черты искусства [34, с. 132-133]. Вхождение новых элементов в этнографический комплекс тунгусов отчетливо заметно в культурном комплексе неолитических глазковцев, что свидетельствует об интенсивном культурном обмене между популяциями Прибайкалья, Забайкалья и нижнего Амура в неолите. Особенно ярко это взаимное влияние проявляется в развитии рыболовной культуры глазковцев, важнейшие элементы которой, по нашему мнению, были привнесены с низовьев Амура [6, с. 111-112].

Фольклорные традиции эвенков не только подтверждают тенденцию глобального движения тунгусов в восточном направлении, но и сообщают сведения о важнейших этногенетических контактах с аборигенами восточных территорий. Отчетливые следы этих древних контактов проявляются в важнейших мировоззренческих образах эвенков. Например, в культовом мифологическом образе гагары – помощника творца Сэвэки. Образ гагары, не характерный для таежной экосистемы, вероятно, проник в традиционное мировоззрение эвенков от носителей приморской культуры. В культуре нивхов гагара является важнейшим мировоззренческим символом, встречающимся в мифологии, обрядовой культуре и охотничьих поверьях. Образ гагары прочно зафиксирован в специфическом стиле материальной культуры нивхов – посуде, скульптуре (изображения на носу лодок) и др. [35, с. 126-127].

Археологические исследования предполагают о формировании на нижнем Амуре в III-II тыс. до н. э. культуры оседлых рыболовов-охотников, чей хозяйственный цикл был тесно взаимосвязан с добычей морских обитателей и морской рыбы – кеты и горбуши, поднимающейся в пресные воды [36, с. 20]. В эвенкийском эпосе символами культурной и этногенетической связи с предками амурских аборигенов являются образы, связанные с культом воды, моря. В сказании дальневосточных эвенков «Мэнгрундя-богатырь» главный герой, отправляясь на восток, спасает нерку, выброшенную на берег. С того момента нерка помогает богатырю в его подвигах и, в конечном итоге, нерка – Нёракиндя, что в переводе означает «Большая Нерка», становится женой главного героя [24].

Эпические традиции эвенков свидетельствуют об установлении прочных межэтнических отношений древних тунгусов с восточными аборигенами, основанных на традициях взаимобрачия. Распространение взаимных браков в основе межэтнических отношений в Приамурье отмечал Ч. М. Таксами: «В бассейне Нижнего Амура и на Сахалине проживают народы, принадлежащие к различным лингвистическим группам: нанайцы, негидальцы, ороки, орочи, ульчи, эвенки (тунгусоязычные); айны и нивхи (особые языковые группы). <...> Между некоторыми перечисленными народами, имеющими разный хозяйственный уклад и относящимися к разным лингвистическим группам: ульчами и нивхами, нивхами и негидальцами, нивхами и нанайцами, нивхами и орочами, нивхами и айнами, а также между айнами и ульчами, айнами и нанайцами, айнами и ороками и др., существовали длительные культурные связи. Этнические связи между ними проявлялись в первую очередь через семейно-брачные отношения» [35, с. 123].

Дальнейший анализ эпических традиций эвенков позволяет обнаружить заимствование некоторых культурных традиций. Так, в упомянутом выше сказании о богатыре Мэнгрундя дальнейшее повествование (второй цикл) связано с подвигами его сына. Когда Мэнгрундя с женой возвращается на свою родину, у них рождается сын, которого они называют Умусликэн. Позднее подросший Умусликэн, как и его отец, отправляется в своем путешествии на восток, достигая восточного моря. Во время погони за врагом-авахи Умусликэн, превратившись в нерку, встречает морскую касатку:

Паренек наш тоже в воду входит,
Неркой-рыбой становится, гонится за авахи.
Глаз того авахи, камешком став,
В пуп моря упал... [24, с. 96-97].

К этому времени касатка приплывает.
Морская касатка, большая.
– Гинилта-гинилтай!
Умусликэн, ребенок мой! [24, с. 109].

Далее по сюжету касатка помогает ему в преследовании врага, скрывшегося на дне моря. Касатка называет эвенкийского богатыря-охотника своим сыном, хотя для эвенкийской мифологии и мировоззрения данный образ вовсе не характерен. По нашему мнению, образ касатки-покровителя является одним из символов прочных этнокультурных и взаимообратных взаимосвязей тунгусов и аборигенов нижнего Амура. Г. И. Варламова отмечает сходство заповей героя Умусликэна и покровителя-касатки, предполагая, что касатка является родовым тотемом эпического героя [24, с. 112]. В мифологии нивхов, касатке отводится особая роль: «она – хозяйин моря и нередко оказывает помощь людям... касатку нивхи воспринимают как родственника, сородича и человека» [36, с. 131]. В мифах нивхов популярны сюжеты о том, как нивхская девушка выходит замуж за морскую касатку, рожая от нее детей. На морском промысле при встрече с касаткой нивхи совершают обряд задабривания духов предков, совершая подношения касатке табаком и пищей. Нивхи поступают с обнаруженным на берегу трупом касатки, так же как эвенки поступают со своими культовыми животными (медведем, лосем) – совершают обряд захоронения костей на лабазе [36, с. 131]. В данном случае, путешествие эпического героя Мэнгрундя, вероятно, символизирует начало миграционного процесса тунгусов в нижнее течение Амура, а деяния его сына Умусликэна является символом дальнейшего совместного этногенеза тунгусов и восточных приморских племен. Свидетельством этого длительного этногенетического процесса является вхождение морских образов в шаманский и мифологический пантеон южных тунгусов. Так, по мифологии орочей одним из воплощений образа хозяина моря является касатка, которую называют *намун* (морской человек) или *бити занни* (предок) [37, с. 167].

Культовые традиции нивхов отчетливо проявляются в мировоззрении южных тунгусов, в воззрениях которых наряду с древними тунгусскими образами возникают образы, связанные с водной стихией. Образы касатки и других водных обитателей вошли в пантеон божеств и духов дальневосточных тунгусов в процессе их адаптации в ином ландшафте, сопряженном с изменениями хозяйственных традиций, прежде всего, связанными с морским промыслом и рыболовством: «У удэгейцев главным помощником Ганихи является касатка Тэму и хозяин всех рыб Сугдзя адзани (удэ), Сугдеса эдэни (орочи). В подчинении у него находятся хозяева каждого рода рыб, которые имеют свои имена. <...> Хозяин всех рыб, реагируя на просьбы людей, через касатку Тэму сообщал хозяину моря и рек Ганихи о голоде среди людей. Как только Ганихи узнавал об этом, он выпускал из своих закромов косяк кеты или горбуши и приказывал Тэму загнать рыбу в реки, около которых жили голодающие рыболовы.

В отличие от удэгейцев, у орочей главным доставщиком рыбы к берегам Приморья и Приамурья был не хозяин моря Ганихи, а хозяин воды Тэму и его “старуха” (жена) Тэму Мамачани. <...> Касатку Тэму удэгейцы часто называют морским человеком Наму нии за то, что она в море часто издает крики, подобные человеческим» [38, с. 38-39].

Рассматривая общность тунгусов и нивхов можно обнаружить множество схожих культурных элементов – от хозяйственных традиций до традиций в мировоззрении и искусстве,

проявившихся весьма ярко в этнографическом комплексе тунгусо-маньчжурских народов. Вне сомнения процесс межэтнических контактов тунгусов на Дальнем Востоке был чрезвычайно разнообразен и длителен. Свидетельства общности этногенеза тунгусов отмечаются и в отношении других этносов и, предшествовавших им древних культур, однако, на наш взгляд, их взаимное проникновение происходило позднее.

Заключение

Подводя краткие итоги исследования, представим основные тенденции исторического развития тунгусов на ранних этапах. В процессе освоения огромных территорий Сибири, предки современных тунгусо-маньчжурских народов постепенно формировали уникальный древнетунгусский культурный комплекс, основанный на хозяйственных традициях кочевой культуры охотников на лося. В эту эпоху зародились многие отличительные культурные элементы, сохранившиеся в мировоззренческих и эпических традициях эвенков. После разделения общности сибирских монголоидов, в пределах времени, соответствующего серовскому и глазковскому периодам байкальского неолита, предки современных тунгусо-маньчжурских народов освоили огромные пространства Сибири и Дальнего Востока. В процессе своего исторического развития, сопровождавшегося глобальными миграциями, неолитические прототунгусы вступали в контакты с различными популяциями, что дало основу для дальнейшего развития, как тунгусского этнографического комплекса в целом, так и отдельных тунгусо-маньчжурских народов в более позднее время. Эпические сюжеты и образы эвенков, а также фольклорные традиции народов Приамурья являются свидетельствами этого исторического процесса.

Литература

1. Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп). – Москва : Наука. – Восточная лит-ра, 2017. – 710 с.
2. Деревянко А. П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). – Новосибирск : Наука, 1976. – 383 с.
3. Василевич Г. М. К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров (по материалам изучения колыбелей) // Известия Сибирского отделения академии наук. – 1963, Отдельный оттиск. – С. 57-61.
4. Василевич Г. М. Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков : Докл. на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук). – Ленинград, 1968. – 67 с.
5. Левин М. Г. Древний череп с р. Шилки // КСИЭ АН СССР. – Москва : Изд-во АН СССР, 1953. – Вып. 18. – С. 69-75.
6. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья : Глазковское время. Ч. 3. – Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1955. – 374 с.
7. Дебев Г. Ф. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита // Русский антропологический журнал. – 1930. – Т. 19, № 1-2. – С. 7-50.
8. Рычков С. Ю. Полиморфизм митохондриальной ДНК в населении Прибайкалья эпохи неолита : дисс. к. биол. н. – Москва, 2004. – 128 с.
9. Мовсесян А. А. Фенетический анализ в палеоантропологии. – Москва : Университетская книга, 2005. – 271 с.
10. Путилов Б. Н. Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. – Москва : Наука, 1975. – С. 164-181.
11. Путилов Б. Н. Фольклорный процесс и этническая история народов Сибири и Дальнего Востока // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока : [сборник] / Отв. ред. В. М. Гацак. – Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во, 1986. – С. 15-22.
12. Пропп В. Я. Об историзме русского эпоса // Русская литература. – 1962. – № 2. – С. 87-91.
13. Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Избранные статьи. – Москва : Наука, 1976. – 326 с.
14. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – Москва : Восточная лит-ра, 1963. – 464 с.
15. Мелетинский Е. М. Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор : поэтическая система : сб. ст. / Отв. ред. А. И. Баландин, В. М. Гацак. – Москва : Наука, 1977. – С. 23-41.
16. Окладников А. П. Шишкинские писаницы : Памятники древней культуры Прибайкалья. – Иркутск : Иркутское кн. изд-во, 1959. – 209 с.

17. Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы бассейна р. Алдан. – Новосибирск : Наука, 1979. – 152 с.
18. Мазин А. И. Писаницы Приамурья. – Новосибирск : Наука, 1986. – 260 с.
19. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Сост. Г. М. Василевич. – Ленинград : Наука, 1966. – 400 с.
20. Варламов А. Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков. – Санкт-Петербург : Лань, 2018. – 308 с.
21. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья : Историко-археологическое исследование. Ч. 1 и 2. – Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. – 412 с.
22. Деренко М. В. Молекулярная филогеография коренного населения Северной Азии по данным об изменчивости митохондриальной ДНК // Вестник ДВО РАН. – 2010. – № 4. – С. 3-11.
23. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г. М. Василевич. – Ленинград : Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Сидовича, 1936. – 290 с.
24. Сказания восточных эвенков / Сост. Г. И. Варламова, А. Н. Варламов. – Якутск : ЯФ ГУ изд-во СО РАН, 2004. – 235 с.
25. Клементьев А. М. Раннеголоценовая фауна северной Ангары (материалы археологических объектов) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2014. – Т. 8. – С. 31-44.
26. Эвенкийские героические сказания / Сост. А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 1990. – 392 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (На эвенкийском и русс. яз.).
27. Окладников А. П. Неолитические памятники как источник по этногонии Сибири и Дальнего Востока // Краткие сообщения ИИМК. – 1941. – Вып. 9. – С. 5-13.
28. Окладников А. П. История Якутии. Т. 1. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. – Якутск : Якутгосиздат, 1949. – 440 с.
29. Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 439 с.
30. История и культура нанайцев (историко-этнографические очерки) / С. В. Березницкий, Е. А. Гаер, С. Ф. Карабанова и др. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – 194 с.
31. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Т. 1. Древняя Сибирь / Гл. ред. А. П. Окладников. – Ленинград : Наука, 1968. – 456 с.
32. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. – Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1951. – 335 с.
33. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. – Москва : Изд-во АН СССР, 1951. – 264 с.
34. Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – 359 с.
35. Таксами Ч. М. Некоторые общие черты летних средств передвижения у народов Нижнего Амура и Сахалина // Материальная культура народов Сибири и Севера : [сб. ст.] / Отв. ред. И. С. Вдовин. – Ленинград : Наука, 1976. – С. 123-138.
36. Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. – Ленинград : Наука, 1975. – 238 с.
37. Аврорин В. А., Лебедева Е. П. Орошские тексты и словарь. – Ленинград : Наука. – 264 с.
38. Старцев А. Ф. Этнические представления тунгусо-маньчжуров о природе и обществе. – Владивосток : Дальнаука, 2017. – 232 с.

References

1. Shirokogorov S. M. *Sotsial'naya organizatsiya severnykh tungusov (s vvodnymi glavami o geografii rasseleniya i istorii etikh grupp)* [Social organization of the northern Tungus (with introductory chapters on the geography of settlement and the history of these groups)]. Moscow, Nauka, Vostochnaya lit-ra, 2017, 710 p. (In Russ.).
2. Derevyanko A. P. *Priamur'e (I tysyacheletie do nashei ery)* [Priamurye (1st millennium BC)]. Novosibirsk, Nauka, 1976, 383 p. (In Russ.).
3. Vasilevich G. M. *K probleme etnogeneza tunguso-man'chzhurov (po materialam izucheniya kolybelei)* [On the problem of the ethnogenesis of the Tungus-Manchus (based on the study of cradles)]. In: *Izvestiya Sibirskogo*

otdeleniya akademii nauk [Proceedings of the Siberian Branch of the Academy of Sciences]. 1963, Otdel'nyi otdel, pp. 57-61. (In Russ.).

4. Vasilevich G. M. *Evenki (k probleme etnogeneza tungusov i etnicheskikh protsessov u evenkov* [The Evenki (on the problem of the ethnogenesis of the Tungus and ethnic processes among the Evenki)]. Dokl. na soisk. uch. step. d-ra ist. nauk. Leningrad, 1968, 67 p. (In Russ.).

5. Levin M. G. *Drevnii cherep s r. Shilki* [Ancient skull from river Shilka]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR* [Brief communications of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1953, iss. 18, pp. 69-75. (In Russ.).

6. Okladnikov A. P. *Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ya: Glazkovskoe vremya. Ch. 3* [Neolithic and Bronze Age of the Baikal Region: Glazkovsky time. Part 3]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1955, 374 p. (In Russ.).

7. Debets G. F. *Antropologicheskii sostav naseleniya Pribaikal'ya v epokhu pozdnego neolita* [Anthropological composition of the population of the Baikal region in the late Neolithic]. In: *Russkii antropologicheskii zhurnal* [Russian anthropological journal]. 1930, vol. 19, No. 1-2, pp. 7-50. (In Russ.).

8. Rychkov S. Yu. *Polimorfizm mitokhondrial'noi DNK v naselenii Pribaikal'ya epokhi neolita* [Polymorphism of mitochondrial DNA in the population of the Baikal region of the Neolithic era]. Diss. k. biol. n. Moscow, 2004, 128 p. (In Russ.).

9. Movsesyan A. A. *Feneticheskii analiz v paleoantropologii* [Phenetic analysis in paleoanthropology]. Moscow, Universitetskaya kniga, 2005, 271 p. (In Russ.).

10. Putilov B. N. *Tipologiya fol'klornogo istorizma* [Typology of folk historicism]. In: *Tipologiya narodnogo eposa* [Typology of folk epic]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 164-181. (In Russ.).

11. Putilov B. N. *Fol'klorny protsess i etnicheskaya istoriya narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore process and ethnic history of the peoples of Siberia and the Far East]. In: *Fol'klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka: [sbornik]* [Folklore heritage of the peoples of Siberia and the Far East: collection]. Otv. red. V. M. Gatsak. Gorno-Altaysk, Alt. kn. izd-vo, 1986, pp. 15-22. (In Russ.).

12. Propp V. Ya. *Ob istorizme russkogo eposa* [On the historicism of the Russian epic]. In: *Russkaya literatura* [Russian literature]. 1962, No. 2, pp. 87-91. (In Russ.).

13. Propp V. Ya. *Fol'klor i deistvitel'nost'* [Folklore and Reality]. In: *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Moscow, Nauka, 1976, 326 p. (In Russ.).

14. Meletinskii E. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa. Rannie formy i arhaicheskie pamyatniki* [The origin of the heroic epic. Early forms and archaic monuments]. Moscow, Vostochnaya lit-ra, 1963, 464 p. (In Russ.).

15. Meletinskii E. M. *Mif i istoricheskaya poetika fol'klora* [Myth and Historical Poetics of Folklore]. In: *Fol'klor: poeticheskaya sistema: sb. st.* [Folklore. Poetic system: articles collection]. Otv. red. A. I. Balandin, V. M. Gatsak. Moscow, Nauka, 1977, pp. 23-41. (In Russ.).

16. Okladnikov A. P. *Shishkinskie pisanitsy: Pamyatniki drevnei kul'tury Pribaikal'ya* [Shishkinsky Scriptures: Monuments of the ancient culture of the Baikal region]. Irkutsk, Irkutskoe kn. izd-vo, 1959, 209 p. (In Russ.).

17. Okladnikov A. P., Mazin A. I. *Pisanitsy basseina r. Aldan* [Scriptures of the river Aldan]. Novosibirsk, Nauka, 1979, 152 p. (In Russ.).

18. Mazin A. I. *Pisanitsy Priamur'ya* [Scriptures of the Amur region]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 260 p. (In Russ.).

19. *Istoricheskii fol'klor evenkov. Skazaniya i predaniya* [Historical folklore of the Evenki. Legends and traditions]. Sost. G. M. Vasilevich. Leningrad, Nauka, 1966, 400 p. (In Russ.).

20. Varlamov A. N. *Spetsifika istorizma v fol'klоре evenkov* [The specificity of historicism in Evenki folklore]. Saint Petersburg, Lan', 2018, 308 p. (In Russ.).

21. Okladnikov A. P. *Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ya: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie. Ch. 1 i 2* [Neolithic and Bronze Age of the Baikal Region: Historical and Archaeological Research. Parts 1-2]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950, 412 p. (In Russ.).

22. Derenko M. V. *Molekulyarnaya filogeografiya koremnogo naseleniya Severnoi Azii po dannym ob izmenchivosti mitokhondrial'noi DNK* [Molecular phylogeography of the indigenous population of North Asia according to data on the variability of mitochondrial DNA]. In: *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2010, No. 4, pp. 3-11. (In Russ.).

23. *Materialy po evenkiiskomu (tungusskomu) fol'kloru* [Materials on Evenki (Tungus) folklore]. Sost. G. M. Vasilevich. Leningrad, Izd-vo in-ta narodov Severa TsIK SSSR im. P. G. Smidovicha, 1936, 290 p. (In Russ.).
24. *Skazaniya vostochnykh evenkov* [Legends of the Eastern Evenki]. Sost. G. I. Varlamova, A. N. Varlamov. Yakutsk, YaF GU izd-vo SO RAN, 2004, 235 p. (In Russ.).
25. Klement'ev A. M. *Rannegolotsenovaya fauna severnoi Angary (materialy arkheologicheskikh obektov)* [Early Holocene fauna of the northern Angara (materials of archaeological sites)]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"* [Proceedings of the Irkutsk State University. Series "Geoarcheology. Ethnology. Anthropology"]. 2014, vol. 8, pp. 31-44. (In Russ.).
26. *Evenkiiskie geroicheskie skazaniya* [Evenki heroic legends]. Sost. A. N. Myreeva. Novosibirsk, Nauka, 1990, 392 p. (*Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]). (In Evenki and Russ.).
27. Okladnikov A. P. *Neoliticheskie pamyatniki kak istochnik po etnagonii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Neolithic monuments as a source on the ethnogony of Siberia and the Far East]. In: *Kratkie soobshcheniya IIMK* [Brief communications of the Institute of the History of Material Culture]. 1941, iss. 9, pp. 5-13. (In Russ.).
28. Okladnikov A. P. *Istoriya Yakutii. T. 1. Proshloe Yakutii do prisoedineniya k Russkomu gosudarstvu* [History of Yakutia. Vol. 1. The past of Yakutia before joining the Russian state]. Yakutsk, Yakutgosizdat, 1949, 440 p. (In Russ.).
29. Okladnikov A. P., Derevyanko A. P. *Dalekoe proshloe Primor'ya i Priamur'ya* [The distant past of Primorye and Priamurye]. Vladivostok, Dal'nevost. kn. izd-vo, 1973, 439 p. (In Russ.).
30. *Istoriya i kul'tura nanaitsev (istoriko-etnograficheskie ocherki)* [History and culture of the Nanais (historical and ethnographic essays)]. S. V. Bereznitskii, E. A. Gaer, S. F. Karabanova i dr. Saint Petersburg, Nauka, 2003, 194 p. (In Russ.).
31. *Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 5 t. T. 1. Drevnyaya Sibir'* [History of Siberia from ancient times to the present day: in 5 vol. Vol. 1. Ancient Siberia]. Gl. red. A. P. Okladnikov. Leningrad, Nauka, 1968, 456 p. (In Russ.).
32. Bichurin N. Ya. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena. T. 2* [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times. Vol. 2]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1951, 335 p. (In Russ.).
33. Debets G. F. *Antropologicheskie issledovaniya v Kamchatskoi oblasti* [Anthropological research in the Kamchatka region]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1951, 264 p. (In Russ.).
34. Levin M. G. *Etnicheskaya antropologiya i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka* [Ethnic anthropology and problems of ethnogenesis of the peoples of the Far East]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958, 359 p. (In Russ.).
35. Taksami Ch. M. *Nekotorye obshchie cherty letnikh sredstv peredvizheniya u narodov Nizhnego Amura i Sakhalina* [Some common features of summer vehicles among the peoples of the Lower Amur and Sakhalin] In: *Material'naya kul'tura narodov Sibiri i Severa* [Material culture of the peoples of Siberia and the North]. Otv. red. I. S. Vdovin. Leningrad, Nauka, 1976, pp. 123-138. (In Russ.).
36. Taksami Ch. M. *Osnovnye problemy etnografii i istorii nivkhov* [The main problems of ethnography and history of the Nivkhs]. Leningrad, Nauka, 1975, 238 p. (In Russ.).
37. Avrorin V. A., Lebedeva E. P. *Orochskie teksty i slovar'* [Oroch Texts and Dictionary]. Leningrad, Nauka, 264 p. (In Russ.).
38. Startsev A. F. *Etnicheskie predstavleniya tunguso-man'chzhurov o prirode i obshchestve* [Ethnic views of the Tungus-Manchus about nature and society]. Vladivostok, Dal'nauka, 2017, 232 p. (In Russ.).